
УДК 070. 4

ББК 76. 120. 4

П 16

Панаэтов О.Г.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и коммуникативистики факультета журналистики Кубанского государственного университета, e-mail: kafhic@mail.ru

Основатели и идеалы общины «Криница»

(Рецензирована)

Аннотация:

Дается краткий очерк основания интеллигентской земледельческой общины «Криница», характеристика ее основателей, целей и задач данного социального эксперимента. Характеризуются особенности распространения идей последователей В.В. Еропкина, роль и место этих идей в русском революционном движении.

Ключевые слова:

Анархизм, земледельческие коммуны, идеология, издательская деятельность, интеллигенция, коммунитаризм, община, толстовство.

Ранаэтов О.Г.

Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism History and Communicativistics Department of Journalism Faculty, Kuban State University, e-mail: kafhic@mail.ru

Founders and ideals of the «Krinitsa» community

Abstract:

The paper gives a short sketch of the foundation of the Krinitsa intellectual agricultural community, the characteristic of its founders, the purposes and problems of this social experiment. The author discloses features of idea dissipation of V.V. Eropkin's followers, the role and place of these ideas in Russian revolutionary movement.

Keywords:

Anarchism, agricultural communes, ideology, publishing activity, intelligentsia, communitarism, a community, L. Tolstoy's doctrine of non-resistance.

Общественное движение, участников которого объединяет цель изменения общества путем духовного перерождения каждого отдельного человека в условиях небольшой общины, осуществление которой они готовы начинать с личного примера, не принято рассматривать в качестве серьезно повлиявшего на ход социального развития. Действительно, в отличие от консерваторов, либералов, революционных радикалов, борющихся за

политическую власть и активно использовавших периодику для распространения своих идей, деятели коммунитарного движения были озабочены совсем другим. Это диктовало особый способ распространения своих идей.

Криница - уникальный и долговременный социально-экономический эксперимент. Основатели Криницы – группа интеллигентов-народников. В 1886 г. группа интеллигентов-народников во

главе с В.В. Еропкиным, Н.Н. Коган, З.С. Сычуговым и А.А. Сычуговой, купив участок земли (250 дес. в р-не р. Пшады под Геленджиком), основала земледельческую общину «Криница». В прошлом основатели общины имели опыт создания подобных поселений, некоторые прошли через «лабораторию сельского хозяйства» А.Н. Энгельгардта, имевшую целью и воспитание интеллигента-хозяина. Последнее предполагало организацию интеллигентских колоний по типу батищевского имения. Это совпало с альтернативным движением в среде революционной интеллигенции, которое бывший революционер и впоследствии один из идеологов правого лагеря, воспитанник К.Н. Лентьева, редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров назвал «перестройкой изнутри» [4: 292].

Если не брать во внимание формальное преобразование общины, где организация держалась на устной договоренности, в сельскохозяйственную артель (1908 г.) [2. л. 1], в основе которой – устав, отразивший изначальную коммунистическую установку, то можно считать, что данная организация просуществовала до конца 1920-х гг. Б.Я. Орлов-Яковлев, стремясь к воссозданию общины, писал в 1933 г., что в 1936 г. можно было бы отметить 50-летний юбилей Криницы. Это вряд ли верно. Преобразование артели в колхоз «Знамя марксизма» (1929 г.) [1. л. 7] может считаться временем окончания существования общины – радикальное изменение состава членов и как следствие – утрата основной идеи. Это и связанное с этим слабое руководство Криницы середины – второй половины 1920-х гг. (М.П. Кожушко и М.И. Иванов), а не репрессивные действия властей, можно считать причиной уничтожения общины. В годы Гражданской войны и в 1920-е гг. произошли серьезные изменения в качественном составе общины. Многие из старожилов погибли, многие (молодежь, воспитанники) покинули Криницу, стремясь на

«широкую арену общественной деятельности» [2. л. 98]. Еще в 1918 г. произошло объединение с толстовской колонией Михайловский Перевал, тогда же влилась большая группа самарцев, бежавших от голода. Б.Я. Орлов и Н.З. Чевырева-Сычугова указывают на противостояние старожилов и новых поселенцев [2. л. 98; 1. л. 7], закончившееся клеветой, доносами, высылками и арестами. Позже прибывшие разделили судьбу предшественников, а Криница была заселена красноармейцами 22 Кавказской дивизии.

Идейным вдохновителем Криницы Б.Я. Орлов-Яковлев, воспитанник общины, библиотекарь, хранитель ее архива, называет военного доктора Иосифа Михайловича Когана. Этот анархист и атеист составил сочинение «Памятка или идея здравого смысла в применении к сознательной жизни людей», в котором помимо критики современных условий, «рекомендовал для счастья человечества соединиться в общины с полной общностью идей, земли, имущества, труда» [1. Л. 2-3]. Работа И.М. Когана во многом предвосхищала идеи, позже известные как толстовство. Сочинение было разделено на параграфы, начинавшиеся фразой «Трезвое слово – истинный бог». Его последователи воспринимали понятие «слово» как обязательно подкрепленное личным примером. На этом основано особое направление в революционном движении, которое один из его представителей и основателей Криницы, В.В. Еропкин назвал «перестройкой «изнутри»» [4: 292].

И.М. Коган увлек своими идеями дочь либерального смоленского помещика князя Николая Друцкого-Соколинского. Князь был масоном, отпустил своих крестьян на свободу раньше царского манифеста, «отличался свободомыслием и лояльностью» [1. л. 3]. Княжна Наталья Николаевна в 1860-е годы училась в Смольном институте, где была ученицей К.П. Ушинского. Бунт, устроенный ею, принял такой размах, что в институт

благородных девиц пожаловала императрица Мария Федоровна. Юная бунтовщица была прощена и избавлена от наказания. От предложения стать фрейлиной отказалась. После окончания Смольного в 1867 г. два года учительствовала в родном городе, после чего переехала в Петербург. На одном из «четвергов» на квартире композитора А.Н. Серова в 1869 г. познакомилась с будущим мужем, И.М. Коганом. Уже тогда у нее была репутация «нигилистки», жертвующей деньги «на дело». На этой квартире собирался достаточно часто кружок революционеров, который раскололся в конце 1870-х гг. Часть группы осталась в столице, а остальные 6 человек отправились в с. Никольское, имение Натальи Николаевны (к тому времени уже не Друцкой-Соколинской, а Коган) устраивать коммуну. Вдова композитора Валентина Семеновна поручила своей приятельнице опеку над сыном, будущим знаменитым художником Валентином Серовым. Кстати, именно Н.Н. Коган приучала ребенка к художественному творчеству. Быт Никольской коммуны во многом был устроен по образцу, описанному Чернышевским в романе «Что делать?». Первый опыт создания коммуны, как и первый педагогический эксперимент (воспитание юного Валентина Серова), нельзя назвать вполне удачными – ребенка пришлось везти к матери в Мюнхен, а супруги Коган вместе с сыновьями Николаем и Михаилом, а также с остальными товарищами отправились искать землю в Уфимской губернии. Обосновались в селении Усиха, имении помещика Рахманина «Белый ключ» Бирского уезда Уфимской губернии (Гарланд-поляна). Колония просуществовала с 1879 по 1882 гг. В длительной аренде колонистам было отказано, сказалась и суровость уральского климата. После поселились в имении приятельницы Н.Н.Коган помещицы Волковой в Полтавской губернии на Украине (хутор Волковский Гадячского уезда). Колония просуществовала с 1882 по 1883

гг. Здесь вместе с Коган - Зот Семенович Сычугов, его супруга Анна Алексеевна и Виктор Васильевич Еропкин. Следующим местом колонистов была Криница. Там основным направлением деятельности Н.Н. Коган стала педагогика.

О З.С. Сычугове в книге «Четверть века Криницы» сказано, что происходил он из бедной религиозной семьи, увлекался чтением житий и мечтал о мученичестве за веру. Однако «посты и молитвы не удовлетворяли», юноше хотелось «деятельной борьбы», его «притягивала мысль о миссионерстве». Учась в бурсе, увлекся революционными идеями, сетовал на расширение древних языков после реформы 1871 – 1872 гг. и лишение возможности читать Писарева и Добролюбова. Проучившись год, ушел и поступил в сельскохозяйственное училище для подготовки в земские учителя. Был арестован и выслан. Прошел школу земледелия в знаменитом имении А.Н. Энгельгардта Батищево, из которой «вышел с жаждой практической деятельности» [3: 14]. Участвовал в колонии Красная Глинка (Вишневые Холмы) Уфимской губернии 1878-1879 гг., затем – в Гарланд-поляне и Волковском хуторе. Именно он был послан на поиски земельного участка для нового поселения колонистов на Кавказ – колонисты хотели быть подальше от административного пригляда. Стоит обратить внимание на запись в дневнике Сычугова: «На Кавказ, на Кавказ! В страну полуденного солнца и седой старины, куда ходил легендарный Язон со своими аргонавтами за золотым руном. Не за золотом иду я туда, - я гонюсь за счастьем. Много ли нужно для моего счастья? Небольшой клочок земли, на котором я мог бы в союзе с симпатичными мне людьми воспитать и вскормить юное поколение в понятиях абсолютной чести и человеческого достоинства» [3: 23]. Такой романтический настрой был характерен для большинства общинников-интеллигентов.

Сычугов отправился вместе с женой

и двумя детьми двух и четырех лет. Оставив семью в Новороссийске, приступил к поискам. Через 2,5 года участок был найден - 250 га земли были куплены у офицера Кавказской армии, который получил их в приданое жены, происходившей из черкесского княжеского рода. Сычугов положил основание архиву и библиотеке Криницы. Дочь его, Н.З. Сычугова-Чевырева, пишет: «Это был человек сильный в своих убеждениях, глубоко верящий в правоту своих исканий и стремлений, не отступающий от своих целей, но и не навязывающий никому своих идеалов и принципов жизни. Он был необычайно терпим к людям и уважал людей» [2. л. 36].

В.В. Еропкин – один из основателей криничанской общины, ключевая ее фигура, саму общину часто называли по его имени – еропкинской. Л.А. Тихомиров в своих воспоминаниях «Тени прошлого» отдельную главу посвятил ему не случайно, т.к. именно его считал идейным вдохновителем «перестройки изнутри». Там дана достаточно подробная характеристика этого деятеля революционного движения. Точка зрения Тихомирова весьма тенденциозна – сочувствовать Еропкину Тихомиров не мог ни в бытность свою революционером, ни тогда, когда стал видным представителем традиционализма [4: 292 – 295].

Дочь З.С. Сычугова Н.З. Чевырева-Сычугова в своих воспоминаниях, написанных в 1960-е гг., отмечала особую идейную направленность интеллигентской общины: «Основатели и их продолжатели постепенно выработали свое собственное мировоззрение на устройство и образ своей жизни, на взаимоотношения людей, на воспитание детей, и нельзя их назвать последователями Фурье, Сен-Симона, или Толстого, или еще кого. Они, возможно, чтити и уважали этих людей как искателей справедливой, равной для всех, счастливой жизни, но они шли своей дорогой, своим путем. Он привел их к организации сельскохозяйственного кооперативного коллектива с полным комму-

нистическим бытом, морально-идейная основа которого хорошо высказана в объяснительной записке к уставу этого коллектива и в уставе с его инструкцией. /.../ Основатели, недовольные существующим в то время социально-политическим строем страны, хотели создать справедливые формы жизни, правильные равноправные человеческие взаимоотношения людей, нормальные условия жизни для воспитания детей. Они хотели жить без эксплуатации кого-либо, без частной собственности, с полным равноправием всех, с обязательным личным трудом каждого члена группы. Они хотели воспитать детей, любящих и уважающих всякий труд, приносящий благо обществу трудящихся и сделать из каждого воспитанника всесторонне образованного, культурного, полезного обществу человека» [2. л. 2].

Н.З. Чевырева-Сычугова принадлежала к младшему поколению «криничан», стремившихся к преобразованию общины, с ее нравственными установками и доверием к устным договоренностям, в артель с ее уставом. Тем не менее, идейные основания «Криницы» сохранялись и в период организации артели, и даже какое-то время в период преобразования в колхоз «Знамя марксизма», насколько это позволяли изменения в составе членов. «Криничане» отрицали свою принадлежность к толстовству, хотя и установили в 1910 г. памятник Л.Н. Толстому, а в годы Гражданской войны слились с одной из толстовских общин.

В общине проводились «молитвенные собрания», проходившие вполне рационалистически: «Сперва читали что-либо из Евангелия, затем пели лучшие церковные напевы и хоралы, а в конце собрания – читали учения религиантов-философов, как, например, Соловьева Владимира, изучали философию Будды, Конфуция, Магомета и др. и вели горячие споры, которые затягивались далеко за полночь» (3. С. 90). При этом отвергались

религиозный экстаз и толстовство: «Дело русского народа не есть протестантство. Протестантство – это удел германской нации, где оно стало народным идеалом. Дело же русского народа есть творчество, создание новых форм жизни на нравственных началах, а потому кто поймет это, тот и может считаться русским человеком. Протестантство и у нас крупно и ярко проявилось в лице Толстого, но оно не есть зиждательное движение, а потому не имело и не имеет практического значения. Наше дело – созидать лучшие социальные формы на религиозных началах. В частности, «Криница» есть только *предтеча* того великого народного движения, которое должно произойти в ближайшую эпоху...» [3: 166]. Как видно, социально-экономическая сторона жизни, подчиняющаяся «мировому закону совершенствования», была своеобразной верой. Именно этим объясняется сопротивление старожилов-основателей общины написанию устава и прочих формальных документов – «старики»-идеалисты были уверены в силе доверия и так возражали своим оппонентам: «Община по существу – нравственное учреждение и, как таковое, требует усилия воли. Если же вы хотите экономическое учреждение – то тогда, конечно, необходим устав» [3: 164 – 165]. М. Туган-Барановский, находясь, очевидно, под впечатлением от этого специфического движения, отмечал, что «коммунистические колонии возникли отнюдь не по хозяйственным соображениям и не ради улучшения экономического положения членов. В этом отношении коммунистические общины представляют собой резкий контраст с кооперативными предприятиями [3. с. IV – V].

Члены криничанской общины внимательно следили за публикациями, посвященными их деятельности. В библиотеке Криницы тщательно собирались эти материалы. Кроме того, криничане оказывали влияние на близлежащие селения (Архипо-Осиповка, Береговая), способ-

ствовали организации Широочанской общины чернорабочих, оказывали помощь интеллигентским колониям на Михайловском перевале, в Сочи (дача Уч-Дере), под Туапсе. Особое внимание уделялось работе с практикантами. Это направление деятельности можно назвать едва ли не самым трудным. Примерная численность общины – 30 человек, количество же практикантов доходило до 200. В основном практикантами были студенты, заинтересовавшиеся «криничанским» экспериментом. Далеко не все они были способны участвовать в нем в полной мере, поэтому вольно или невольно приносили в жизнь «Криницы» разногласия, далеко не всегда они соответствовали тому «типу общинника», который пытались создать старожилы. Тем не менее, практиканты и гости, уезжая, были важным источником информации о «людях будущих столетий», как выразился один из них в своем письме [1. л. 4].

В плане распространения опыта общинной жизни наиболее интересен общий журнал-дневник Криницы, ежегодные отчеты и дневники ее членов. Примечательно, что записи в общем дневнике могли вести все члены общины, а у детей был особый общий детский дневник. Кроме того, библиотекарь и хранитель архива общины Б.Я. Орлов-Яковлев вел рукописный журнал «Молодость» (1909 – 1918). Большими событиями были издания книг о «Кринице». Первой была работа Г.А. Василевского «Интеллигентская земледельческая община Криница: К истории искания общественных форм идеальной жизни», вышедшей в 1908 г. в Санкт-Петербурге. Василевский 4 года жил в «Кринице», преподавал в школе. Ему первому разрешили разобрать архив общины для написания книги. Условия – рукопись должна быть отредактирована членами «Криницы», общине принадлежит половина прибыли от издания. Василевский лишь частично выполнил обещанное. Первая часть, написан-

ная при помощи Б.Я. Орлова-Яковлева, была прочитана в «Кринице» и одобрена. Вторая же писалась им самостоятельно, история завершалась рассказом о ликвидации общины, что не соответствовало действительности, а в первую часть были вставлены места, нелестные для Н.Н. Коган, «отношения с которой были у автора неискренние» [1. л. 10]. Все это побудило «криничан» заняться созданием книги самостоятельно. Так, в Киеве в 1913 году при содействии адвоката Гдешинского – «одного из друзей Криницы в среде русской интеллигенции того времени» – вышла большая книга «Четверть века Криницы», изданная кооперативным журналом «Наше дело». Предисловие М. Туган-Барановский написал, впрочем, не читая книги [1. л. 8]. В создании приняли участие основатели общины, а также художник А.А. Кучеренко, ученик Маковского, недолго живший в «Кринице». [1. л. 9]. Фактически издание воспроизводит часть архива «Криницы», т.к. в основе – дневниковые и отчетные записи, устав артели и пояснения к нему. Имена упоминаемых членов общины в данном издании были изменены.

Эксперимент, начатый в 1886 г., требовал колоссального напряжения сил. Речь не только о физическом труде и трудных климатических условиях, но и о психологических трудностях. «Но сила убеждений и нового понимания жизни, желание увидеть в действительности какие-то результаты, хотя бы маленькие достижения их исканий, их идеалов, оставливали основателей от ликвидации их дела. И в этом их великая заслуга перед обществом, детьми и воспитанниками и последующим поколением, а именно то, что они ни при неблагоприятных, ни при благоприятных обстоятельствах не опускали рук, не отрекались от своих убеждений и идеалов» [2. л. 10-11]. .

Л.А. Тихомиров считал эксперимент В.В. Еропкина неудачным, назвав «Криницу» «сектантской общиной, не имевшей никакого влияния на окружающий мир», на которую никто не смотрел серьезно [4: 295]. Он связывал дело Еропкина с революционным движением, подчеркивая его особое положение между государством и революцией: «Он умел внушать властям, что его деятельность очень полезна для них, потому что отвлекает молодежь от революции... И это до известной степени правда. Конечно, Еропкин не питал никакой вражды к революционерам, ... находил очень полезным, что они подрывают и разрушают власть. Но он вел *свое* дело, которое также требовало и материальных средств и людей; и все, что мог добыть Еропкин, ... уже не попадало в руки революционеров. <...> Революционеры понимали, что деятельность Еропкина тоже не бесполезна в общем процессе революции [4: 293]. «Неудача» экономическая была в том, что основателю общины приходилось постоянно работать вне ее, добывая средства для своего детища, в том, что сами общинники жили отнюдь не богато. По этому поводу Туган-Барановский указал на новизну хозяйственной основы, на то, что возникали подобные общины не для обогащения, их основывали люди особенного душевного склада. «Теперь уже почти никто не думает, что из отдельной коммунистической колонии... вырастет дерево нового социального строя ... От этих утопий мы, люди XX века, освободились» [1. с. IV - V]. По поводу идейного влияния следует заметить, что в данном случае мы имеем дело с ситуацией, схожей с ранним славянофильством. Речь не об идее общинности, а об установке на «устное слово, которое сильнее писанного», которая не мешала распространению влияния и развитию данной идеологии.

Примечания:

1. Выписки из дневника Б.Я. Орлова, воспитанника Криницы. 1933-1942 гг. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р1610. Оп. 6. Д. 9. Л. 2-3.
2. Исторический очерк об основании и деятельности общины Криница, судьбах ее членов и их потомков, написанный Н.З. Чивиревой-Сычуговой 1960-1968. ГАКК Ф. Р1610. Оп. 6. Д. 3.
3. Криничане. Четверть века «Криницы». Киев: Издание кооп. журнала «Наше дело», 1913. 493 с.
4. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания. М., 2000. 720 с.